

“ПОРОВНУ МРАКА И СВЕТА...” (ПОЭТИКА КОНТРАСТА А. ПРАСОЛОВА)

© 2005 И.С. Чернышева

Воронежский государственный университет

Эстетическое своеобразие поэзии А. Прасолова определило ощущение диалектической основы мироздания, единства и борьбы противоположностей. Поэт почти декларативно заявляет: *“А мое ведь иное — в нем поровну мрака и света, // И порой, что ни делай, // Для него в этом мире как будто два цвета — // Только черный да белый”*.

Два цвета — черный и белый — составляют ту призму, через которую автор всматривается в окружающую действительность: *“Сюда не сходит ветер горный. // На водах солнечных отлив. // И лебедь белый, лебедь черный // Легко втекают в объектив”*.

В природе случаются минуты спокойствия, когда контрастные начала могут мирно сосуществовать: *“Налево — сосны над водой, // Направо — белый и в безлунности — // Высокий берег меловой...”*. Хотя “черный” здесь прямо не назван, он передан с помощью лексической единицы “безлунность”. Ассоциации с “темным” вызывают и стоящие над водой сосны.

Почти идиллическая картина предстает перед нами и в пейзажной зарисовке “На реке”: *“И всадник, жаром истомленный, // По стремя ярко освещен // Там, где разлился фон зеленый, // И черен там, где белый фон”*.

Гармоничны и очертания Воронежа в вечернем свете: *“На золотое (= светлое) небо чернью // Далекий город нанесен”*.

Соединение противоположностей на уровне мироздания определяет людские судьбы: *“По черному вычерчивает белым // Изгибы человеческих путей”*. И даже жизнь человека имеет полюсы, окрашенные контрастно: *“Как монах заходит // С черной бородою, // А другой выходит // С белой головою”*. Здесь запечатлена правда о нераспоржимости жизни и смерти, о том, что сам процесс жизни есть одновременно и процесс умирания, приближения к финальному рубежу.

Противоположности обозначают границы временного промежутка и в природе: *“От ягоды красной до белого снега...”* — от лета до зимы.

Однако гораздо чаще два цвета нужны А. Прасолову для того, чтобы передать борьбу стихий или чувств. Это могут быть, как мы уже видели, не только “черный” и “белый”, но и “черный” и “красный”. Встреча полярных сил не всегда ведет к гармонии — она может разразиться хаосом: *“В пожарно-красные просветы // Гляжу из сумрака земли”*. Человек становится очевидцем творения мира могущественной стихией. И то, что происходит на его глазах, совсем не безболезненно. Космический трагизм выливается в строки: *“Земля так много красного впитала. // Зияет черное в ее судьбе...”*.

Природные катаклизмы сменяются в лирике А. Прасолова социальными. “Черный” характеризует зло, фашистов, пришедших на русскую землю: *“Из-под снега чернели // Немецкие руки”* или *“Сверкают гвозди их сапог, // Упертых в белую метель”*. “Белый” напоминает об обряде погребения: *“И, как в саванах белых, орудья, // Уплывающие на восток”*.

Поэт с болью замечает “победу” темной силы: *“Раковина черной пастью // Поглотила музыку и свет”*.

Словно пытаясь восстановить равновесие, он в другом стихотворении утверждает: *“Все равно он не темный, а белый, // Зимний стан неподвижных берез”*.

Такие антонимичные переключки свойственны творчеству А. Прасолова. В стихотворении “Осень лето смятое хоронит...” звучит вопрос: *“Что он значит, хоровод вороний, // Перед белой тучей?”*. Мрачная обстановка предполагает такой же пессимистичный ответ. А стихотворение “И снова я на третьем этаже...” заканчивается оптимистически, хотя образ в нем тот же: *“И воронья угарный разговор — // Предвестник очистительной весны”*.

Гораздо сложнее автору справиться с гаммой человеческих чувств. Контраст помогает приподнять возлюбленную над миром: *“Казалась слишком грязною земля // Под туфельками белыми”*.

твоими”. Она противопоставляется обыденности, прозе жизни, которая грозит затянуть каждого: “*И красные вязнут сапожки // В тяжелой и черной грязи*”.

Иногда черная и белая краски нужны поэту для того, чтобы передать боль разлуки: “*Твой оборванный след на снегу // Чернорото кричит*”.

Или вдруг эта небогатая палитра оттенит страдание лирического героя, высветит его обособленность: “*Ляжет к ногам твоим черный мой снег...*”. Оксюморон в этой строке передает обреченность человека, его безысходность.

Настоящий философ, с античной точки зрения, не столько мудрец, сколько человек, ищущий мудрости. Он не идет проторенной дорогой, а сам старается прикоснуться к тайнам бытия. А. Прасолов, глядя в окружающее его пространство и определяясь во времени, обозначает границы, которые образуют сферу его познания: день и ночь, земля и небо. Грани эти были настолько важны для автора, что два первых сборника он назвал “День и ночь” и “Земля и зенит”.

Поэзия А. Прасолова, безусловно, космологична. Основные природные стихии бытия в ней присутствуют живыми, поэтому здесь можно говорить о близости к первозданной архаике. Поэт наблюдает чередование дня и ночи, порожденных, по мнению древних греков, Мраком (Эребом). Интересно, что понимание этих природных явлений как временных полюсов встречается у А. Прасолова в единичных случаях: “*Ждет днем и ночью человек*”, “*День и ночь трудиться*”, “*Рабочий начат день... И дотемна шуршит песок*”, “*Во мраке ночи, в свете ль дня*”, “*Ты скажи, сколько дней и ночей // Ожиданью учила меня*”... Но и такое восприятие имеет одну особенность: день и ночь не противопоставляются, а уравниваются. Если вспомнить одноименное стихотворение Ф. И. Тютчева, то там первая часть “представляет собой картину тютчевского, “мировоззренческого”, “философского” космоса, данную как бы с точки зрения “дня”... “Ночь” оказывается гораздо более активной и действенной силой по сравнению с “днем”, легко подавляя созидательную работу «дня» и связанных с ним “земнородных” [1, 497-498].

В творчестве А. Прасолова нет восприятия природных явлений как разнонаправленных сущностных сил. Даже говоря о “дне” и “ночи” в качестве времени суток, поэт делает акцент не на их разделенности (“*Были когда-то и ночи, и дни, // Только и вспомнишь, // Видя, как тьму эту стрелки одни // Делят на полдень и полночь*”), не на их плавном перетекании одного в другое (ср. у Тютчева: “день” исчезает с наступлением “ночи”, но и “ночь” исчезает с наступлением “дня” [1, 500]), а на их взаимопроникновении, сосущество-

вании в одном временном промежутке: “*И в ночи такой огромной // День под веками горит*”. Они воспринимаются в неразрывном единстве: “*И лебедь белый, лебедь черный // Легко вplyвают в объектив. // Как день и ночь...*”.

“День и ночь” - это не просто название сборника, а сквозной образ всей лирики А. Прасолова. Он используется автором для характеристики достижений цивилизации: “*Эскалатор уносит из ночи // В бесконечность подземного дня*”.

Следует заметить, что пара “*день — ночь*” выступает и в качестве символа состояния человека, психологического или физического (бытия — небытия). Лирический герой может ощущать эти природные явления как общее с кем-то (“*Я в нашем дне и полночи*”), как противопоставленное кому-то (“*Я ее никогда, никогда // Не отдам твоей ночи и дню*”), как личное (“*И эта ночь с холодной звездой... Еще мой день под веками горит*”).

В стихотворении “Мне радость — резкий свет...” “*день*” и “*ночь*” воплощают не встречу, причем разлучницей здесь выступает вечность: “*Но на пороге дня // Я встретил ночь твою...*”. “*День*” — жизнь лирического героя, “*ночь*” — уход близкой души в небытие (на это же указывает эпитафия из произведения Анны Ахматовой и дата 1966 — год смерти поэтессы).

Антитеза “*день — ночь*” расширяется А. Прасоловым за счет употребления синонимичных ей пар: “*тьма — день*”, “*свет — мгла*”, “*мрак — луч*”, “*ночь — свет*”, “*свет — мрак*”, “*тьма — луна*”, “*ночь — утро*”, “*тьма — свет*” и т. д. “В антитезах как бы кристаллизуется поэтом понимание мира и самого себя. Все это позволяет, как нам кажется, говорить о поэтике контраста как структурном выражении определенного типа мышления и освоения мира, которое мы называем антитетическим” [10, 114].

Кажется, что при такой тяге к соединению несоединимого А. Прасолов должен был довольно часто изображать переходные моменты дня и ночи: сумерки, вечер, рассвет, утро...

Однако картин, запечатленных в полутонах (“*И дым за стеклами белесый, // И солнца блеклый полусвет*»), у поэта немного. Напротив, в большинстве случаев и переходные явления изображаются им по принципу контраста: “*Когда томление дня сменяет разом // Сквозящий вечер свежестью своей*”, “*В эту ночь с холмов, с бульварных улиц // Собирались силы темных вод. // И когда наутро мы проснулись, // Шел рекой широкий ледоход*”.

Смысловое поле, обозначенное антитезой “*день — ночь*” и производными от нее, оказывается достаточно широким: бытие — небытие (“*Пусть над нами свет — однажды, // И од-*

нажды - эта мгла”), прошлое — настоящее (“*Минувшее — светом потухшим, // Несбыточным — вспыхнувший свет*”), напряжение человеческих чувств (“*Все во мне, как тень и свет*”, “*Ночь наполнена тревогой...// Но из глаз озерно-синих // Бьет мне в душу свет России*”, “*В душе перегорающая ночь// Приносит неразгаданное утро*”, “*И словно эту бесконечность дня // Я отдал вам, себе оставив тьму*”). “*Тьма*”, являясь психологической характеристикой, здесь содержит в себе негатив: лирическому герою с этой “*тьмой*” жить тяжело.

“*Мрак*” и “*свет*” выражают трагедийное мироощущение А. Прасолова. Чрезмерный свет ведет к слепоте природы или человека: “*И все, что она осветила, // Дано ей (молнии. — И.Ч.) на выбор слепой*”, “*Как он трагичен, тот рубежный час, // Который светит радостью последней, // Слепя собой неискушенных нас*”. Впрочем, мотив слепоты получает развитие и как процесс, соединяющий мрак со светом: “*Счастливый свет и горький мрак // Спят влюбленных в равной мере*”, “*Глаза мои слепнут от света, // Глаза мои слепнут от мрака*”... Однако, несмотря на драматизм, поэт не исключает возможности исцеления: “*И слепну в медленном огне я, // И зреваю каждый час*”.

Стремясь к гармонии, А. Прасолов иногда старается достичь равновесия “*тьмы*” и “*света*” с помощью искусственного огня: “*Не будет света — вздуем мигом // Огонь в ночи*”, “*Мрак лучом неистовым расколот*”, “*Несется поезд, // Слово — праздник, // Где окна все освещены*”. “*Огонь*”, созданный человеком, становится своеобразным маяком для лирического героя: “*Небеса опускались мрачней. Я искал три сигнальных огня*”, “*Там, за спиной, догорает — // Огни вполнеба впереди*”. Особенно притягателен тот свет, что зажгла любимая: “*Одним окном светился мир ночной*”. Иногда, чтобы подчеркнуть значимость такого окна, автор использует и полярную (“*тьма*” — “*свет*”), и неполярную антитезы: “*Я и во тьме и при луне // По тихой улице бродил, // И был мне свет в ее окне // Дороже всех ночных светил*”.

Кажется, трудно уже что-либо противопоставить свету в дорогом окне, но сила чувства настолько велика, что передается через сравнительную степень прилагательного (“*дороже*”) с однородным, соизмеримым со “*светом*” понятием — “*светила*”. Естественно, что утрата такого света не может не отозваться болью в сердце лирического героя: “*Обернулась — и свет погасила, // Обреченному свет ни к чему*”.

Естественно, что прасоловские антитезы “*день — ночь*”, “*утро — вечер*”, “*закат — восход*” являются темпоральными и приоткрывают для нас художественное время в его лирике.

С помощью антитезы он подчеркивает цикличность мира природы (“*Я спросил: — А где я был // От зимы до лета?*”, “*Где ты, лето... Над плетнем // Осень ветром клонит вишни*”, “*Струилась раньше // Тихомолком, // Но вот настал желанный срок — // И горстью солнечных осколков // Волна плеснула на песок*”) или противопоставляет настоящее давнему (“*Как дым рабочий — с дымкой древней // Среди скромно убранных равнин*”, “*И кружит старая планета // Всю современность бытия*”, “*Но голос, исторгнутый мною, // Он к предкам моим восходил*”, “*Сводил он нынешнее с давним*”), делая акцент на неразрывной связи времен и поколений.

Время в философии разбивается на прошлое, настоящее, будущее и вечность. У А. Прасолова есть антитезы “*прошлое — настоящее*” и “*прошлое — будущее*”. Поэт сравнивает два столетия: “*И прошлый век в сознание раннем // Звенел мне бронзою литой: // Там Пушкин встал у основания, // У изголовья — Лев Толстой. // А этот век... За взрывом — взрыв! // В крови страница за страницей...*”.

Первой вехой, которую можно выделить в творчестве А. Прасолова, была революция, принесшая, по мысли автора, достаток трудовому народу: “*Тропы бедствий заросли хлебами // Дав просторы светлому пути*”, “*О године суровой // Много песен поют. // Сердце требует новой — // Песни, славящей труд*”.

Другим временным рубежом, трагическим, стала Великая Отечественная война: “*В сорок третьем году // Эта дверь распахнулась от взрыва, // Но закрыть я ее не могу и теперь*”, “*Тяжелую я вижу крышу, // Которой нет уже теперь, // И сквозь бомбежку резко слышу, // Как вновь отскакивает дверь*”.

Обращение к историческому времени является существенным отличием лирики А. Прасолова от лирики Ф. Тютчева. “*Причинно-следственные связи в тютчевской лирике ослаблены: прошлое не влияет на настоящее и будущее, не подготавливает их в себе. Тютчевскому миру в целом чужда идея прогресса, основанная на линейной системе времени, он цикличен*” [4, 153].

Прямое противопоставление у Ф. Тютчева “*время космоса — время человека*” у А. Пушкина вытягивается в цепочку: “*время человека — время определенного коллектива — время истории — время космоса*”. Три звена этой цепочки в своем единстве, безусловно, гораздо более мощно противостоят времени космоса, нейтрализуют его” [4, 153]. А. Прасолов тяготеет к опосредованному, ступенчатому взаимодействию человеческой жизни и космоса. Его звенья таковы: “*время человека — время истории — время космоса*”.

Когда поэт говорит об исторических событиях века, то в его антитезе “*прошлое — настоя-*

щее” прошлое, как правило, имеет знак “*минус*” (голод или война), а настоящее — “*плюс*” (доставка, мир). Он воспринимает историческое время в линейном измерении, показывая, что сегодня лучше, чем вчера, следовательно, завтра должно быть лучше, чем сегодня.

“Былое — было ли когда?” — этот тютчевский вопрос А. Прасолову абсолютно не свойствен: прошлое всегда с ним, оно является одной из величин, измеряющих ценность жизни. Для выявления истины необходимо “в мире соразмерить, Что ушло и что дано взамен”.

Что же касается времени отдельного человека, то в нем можно выделить время объективное и психологическое.

Объективное (онтологическое) время, как правило, выпадает из умиротворяющего единства космических законов. “Бытие природы живет постоянной текучестью явлений. В вечном потоке мироздания явления уходят и возрождаются вновь... Человеческое существование столь же динамично и неустойчиво, но его динамика — динамика невосполнимых утрат” [2,483].

У А. Прасолова ряд антитез означает начало и конец действий (“*Не знаешь ты, как трудно мне начать, // Но знаю я — не легче будет кончить*”, “*Я не кончаю — начинаю*”) и жизни человека: “*Еще — от трепета до тленья*”, “*...час — // И первый, и последний*”. Промежуточным звеном выступает контраст “*старый — юный*”, характеризующий динамику процессов в существовании природы и человека (“*И сколько раз дано мне встретить // На старых ветках юных их (листочков. — И. Ч.)*”, “*Наивные желанья детства // И зрелость совести моей*”, “*И свет задумчивости зрелой // С порывом юным навстречу*”).

Что же ожидает подошедшего к жизненному рубежу вплотную? Ответ, как кажется, содержится в стихотворении “В рабочем гвалте, за столом...”: “*Прими ж без лишней суеты, // Что время — три единых части: // Воспоминание — одна, // Другая — жизни плоть и вещьность. // Отдай же третьей все сполна, // Ведь третья — будущее — вечность*”.

А. Прасолов сталкивает временные позиции (космическое время и время личности): “*Делит жизнь на вечность и минуты // Тот, кто знает срок свой на земле*”, “*Сердце в завидной судьбе // Жизни и вечной и краткой // Нити связало в себе*”.

В русской литературе “*певцом мига*” называют Ф. Тютчева. “Тютчев как-то по-особенному жаден к настоящему мгновению, он не устает его воспевать и восторгаться им, но в основе всего этого лежит трагическое ощущение его непрочности, эфемерности” [4,152].

В какие-то минуты прорывается подобное мироощущение и у А. Прасолова (“*Коль на землю*

жить пришел ты, // Ни о чем другом не думай”), но поэта больше интересует другая проблема: способ преодоления человеком времени, вопрос бессмертия. Он обозначает противостояние “*живых*” и “*мертвых*”: “*Идет среди живых и среди могил*”, “*пусть они (умершие. — И. Ч.) живому не ответят*”, “*Взывает ветер голосами павших // И в переключке — голоса живых*”, “*Убавят раны счет живым годам*”.

Вопрос о соотношении времени, человеческой жизни, природы и космоса А. Прасолов решает диалектически. С одной стороны, смерть мыслится им как конец (“*Он слышал голоса живых, // Но сам уже не мог ответить*”), с другой — вечность предстает как идеал преодоления времени — бессмертие: “*Кому-то ровно пять минут до смерти // И до бессмертья ровно пять минут*”.

Как видим, бессмертие ожидает не каждого. Кому оно может быть даровано? Вспомним, что у А. Пушкина вернейшим залогом преодоления времени “выступает творческая деятельность человека, “труд упорный”. Человек овладевает временем постольку, поскольку он осознает его объективный ход и умеет “часов однообразный бой” превратить в живой процесс человеческого творчества” [4,155]. У А. Прасолова бессмертие чаще всего выступает следствием подвига. Это может быть героизм павших в гражданскую или в Великую Отечественную войну: “*Даже в гибели есть торжество!*”, “*Гордись погибшими сынами*”, “*В нашем кипении жизни — // Ваша нетленная жизнь!*”

Как диалектик, он и здесь приходит к единству противоположностей: “*Из мертвых глыб мы выстроим // Живые города*”, “*И смерть провозгласит рождение*”. О. Разводова в статье “Строгая душа” проводит такую параллель: “В понимании смерти Прасолов неожиданно близок Андрею Платонову, видимо, самостоятельно еще в юности придя к такой точке зрения. Ведь в 1952 году, когда о философских основах творчества Платонова, об идеях Н. Федорова просто не говорили, а уж в воронежской глубинке, по логике вещей, не могли знать, Прасолов написал стихотворение “...Пройду по памятным могилам”... Поражает полнота совпадения прасоловской формулы с известной фразой А. Платонова, что мертвые — это семена будущего” [7,205].

Средством бессмертия становится память живущих, поэтому так часто поэт говорит о ней: “*Когда я память переполню, // Забвением многих захлестнет. // Но я тебя прозрачно вспомню // Среди тех, кто вписан в краткий счет*”.

Память, по А. Прасолову, основное состояние нравственной части человечества, поэтому иногда он призывает забвение, чтобы избавиться от страшных картин прошлого: “*И память*

вспышкой озарила // Все, что забыть хотел бы я”, “Непамятливых памятью не мучай, А помнящим хоть час забвенья дай”.

Для А. Прасолова характерно прежде всего проникновение в человеческую душу, в загадки природы и бытия. Он концентрирует внимание на том, как из хаоса возникают противные друг другу начала. Хаос объединяет землю и небо (“Словно хаос земли и небес подымался”), возвращая нас к мифологическому представлению о сотворении мира.

Поэт на подсознательном уровне приходит к древнейшей, основополагающей идее мироздания о зарождении Вселенной от взрыва некой материи. И в его поэтическом пространстве часто напряжение полюсов разрешается **“взрывом”**: *“Я иду, и хаос надо мной – // То, что прежде называлось небом, // Под ногами – что звалось землей”.*

(Следует заметить, что постановка знаков препинания здесь видится иной: *“Я иду и хаос: надо мной // То, что прежде называлось небом, // Под ногами – что звалось землей”*).

В сложившемся мироздании бездне противопоставлены хребты, дню – ночь, свету – тьма, земле – небо. А. Прасолов и второй свой сборник называет по принципу контраста – “Земля и зенит”. Его пространство измеряется не только далью, но и высотой (“Сквозит и даль и высота”). Мы постоянно чувствуем присутствие неба (звезд, солнца и т. д.): *“Холодное небо бездонно”, “Нетерпеливый трепет звезд // Земли бестрепетной не будит”, “Земля загорится под небом // Заемным румянцем стыда”*... Земля в представлении А. Прасолова просто не существует без неба. Две эти субстанции может соединить дождь, *“сомкнувший землю и высь”*. Поэт заявляет: *“Дорога все к небу да к небу”* или *“Сближаю землю и звезду”*. Иногда небо и землю **“смыкают”** достижения цивилизации: *“Анад Останкиным игла // Горит, подсвеченная снизу», или «Скелет гигантского жирафа // Явив земле и небесам”*.

Вечное движение соединяет небо и землю, оно является залогом повторяемости человеческой жизни: *“Земля моя, я весь – отсюда, // И будет час – придусюда...”*. Это двустороннее представляет собой смысловое “кольцо”, подобное тому, что заключено в “Дне и ночи” Ф. Тютчева: конца нет, все повторяется.

По мысли А. Прасолова, человек с самого рождения оказывается меж двух полюсов: *“От тела матери – тепло, // От рук отца – бездомный холод”*. То же есть и в природе: *“И выступили грубо и неровно // Расколотые летним солнцем бревна, // Наморщилась холодная река”, “И, солнце с холодом смешав, // Волна запросится с ладони”*. И снова мы видим, что противостояние величин сменяется их взаимопроникновением: :

“И красоты кристальный холод // По жилам горит алый жар”.

Случается, что контрастная пара **“холод – тепло”** изменяется за счет введения **“водных”** категорий: *“И в зной ударивший родник”*. Ряд **“тепло – жара – зной – жажда”** завершается утолением жажды: *“Говорят, от жажды летом // Средство лучшее – вода”*.

Антитеза **“добро – зло”** показывает сложность взаимоотношений человека с окружающим его противоречивым миром. Эти категории существуют во внешней реальности, уравновешивая друг друга: *“И в ответах добра и зла // Неразделимое несла”, “Над сонным легче – доброму и злему”*. Добро и зло одновременно ослабляют свое действие (*“Уже добро не рукоплещет, // Наказанное зло вдали”*), становятся равно непонятными для умерших (*“И непонятны были им ни зло, // Ни поздняя торжественная милость”*).

А. Прасолов понимает зло и как гибель мира: *“Мир в напряженье – перед взлетом // Иль перед гибелью своей?”, “Разгаданы тайны людьми – // На благо земле иль на гибель?”*. Разделительный союз “или”, используемый поэтом, предполагает победу только одной из сил в мире, в человеке же преломляются **“отблески добра и зла”**. Лирический герой не исключает ситуации, когда *“руки добрые – и те твои враги”*.

Кроме добра и зла в окружающей действительности перемешались **правда и ложь**. Они в лирике А. Прасолова выступают как “близнецы-братья”: *«Здесь так: коль правда – для неверья, // А чтоб поверили – солгать”, “И строгой не тронут души // Ни правды крикливой надрывы, // Ни пыл барабанающей лжи”, “То сердце, за себя боясь, // И в честной клятве лжет другому”*.

Что же касается размышлений поэта о счастье, то они переключаются с тютчевским положением: *“Нет счастья как награды за стремление к нему, за страдание”* [5,97]. Оно стоит над человеком (*“Земля гудит, чтоб счастье с горем // Я рассудить бы смог на ней”, “Не страшно споткнуться о горе - // Боюсь наступить я на счастье”*), и получить его можно только вместе с горем: *“Прошли на грани счастья и беды”, “И знай, что истинное счастье // Слегка окрашивает грусть”, “И в счастье есть горький удел”, “И между радостью и болью // Сожги придуманную грань!”*; *“Когда от боли берегусь, // Я каждый раз теряю радость”, “Счастливы мы, если платим // Горю – веселым лицом”, “На все обрушить радость злую”*). Это двойственное восприятие счастья обнажает трагизм бытия и большую “душу Поэта, жаждавшего человеческого счастья, – и так безжалостно-эгоистически разрушавшую его, едва оно переступало порог, чтобы поселиться в его доме...” [8,205].

Однако есть моменты, которые существенно разнятся по их восприятию Ф. Тютчевым и А. Прасоловым. Для обозначения внутренней жизни человека Ф. Тютчев использует образ сна — “В плане познания ведущих тенденций душевной жизни личности образ “порога Как бы двойного бытия”, где “бьется” “вещая душа”, символизирует некую общую, изначальную внутреннюю ситуацию, характер и законы которой предопределяют во многом постоянно преследующую тютчевского человека двойственность» [3,25]. В герое стихотворений А. Прасолова такой двойственности нет. Антитезой “сон — явь” поэт лишь однажды характеризует призрачность “подводного дня”: “Я тихо, тихо поднимаюсь // И лягу на траву. // Весь мир, знакомый наузуть, — // Во сне иль наяву?”.

Этот контраст нужен ему для описания болезненного состояния как порога между реальностью и забытьем: “Горячка, не явь и не сон...”

С другой стороны, в личной жизни А. Прасолов придавал значение снам. В письме к Инне Ростовцевой от 7. II. 63. читаем: “Ты мне в последнее время снилась три раза. Сны бессюжетные, но милые. Это похоже на сумбурную лирику. Не помню, кто сказал: сны — поэтический бред души... Я давно в себе заметил, что могу быть под впечатлением иного сна весь день, как после хороших стихов” [6,136]. В книге “Я встретил ночь твою” упоминается более чем о двадцати снах, однако сны А. Прасолова не тайна, а отражение действительной жизни: взаимоотношений с Инной Ростовцевой, прочитанных книг, увиденных фильмов, ожидания освобождения из тюрьмы или публикации стихов... Наиболее тревожны три сна: “Инночка, как я в эту ночь тебя искал по Воронежу! Нашел улицу в ночи, под дождем — кругом страшная грязь, дома, стены ею заляпаны, до окон, темно. Нашел дом. Но сказали: Она сейчас отлучилась и находится на другой улице. Я снова в поиски. И вот — нашел, открыл дверь — ударил в глаза свет: у нас включили свой — подъем” (от 27. X. 63); “Снились жирные, огромные змеи. Их порубили на части, такими я их и видел” (от 25. XII. 63); “И всю ночь снилось: гашу примус. Погасил. Но ожег руки” (от 28. II. 65). Эти сновидения можно истолковать как предсказание разединенности А. Прасолова и И. Ростовцевой (свет в конце — искусственный) и вечной борьбы поэта с собой.

С. Спорыхин назвал А. Прасолова “человеком тоски по цельности” [9,580]. Действительно, поэт не только в стихах стремится охватить

“границы враждующих истин”, но и в письмах его суждения часто полярны: “Вся жизнь — контрасты: поэзия и человеческая грязь. Рядом с грязью острее чувствуешь чистоту” [6,77].

Диалектическое мышление А. Прасолова, проявившееся в антитезах и оксюморонах, ставит его в ряд “поэтов — философов”. Но термин “философ” надо принять с оговоркой: философия лишь подкрепляла то, что чувствовал поэт. Особенно остро А. Прасолов, как и Ф. Тютчев, ощущает противоречивость времени и пространства (о чем говорят и названия первых сборников — “День и ночь” и “Земля и зенит”). Но диаметрально противоположные силы и явления в его поэзии обнаруживают родство, которое сообщает противоречивой действительности гармонию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиршман М. “День и ночь” Тютчева / М. Гиршман, В. Кормачев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1973. — Т. 36. — С. 494-502.
2. Грехнев В. А. Время в композиции стихотворений Тютчева / В. А. Грехнев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1973. — Т. 36. — С. 481-493.
3. Козлик И. В. Психологизм лирики Ф. И. Тютчева / И. В. Козлик // Русская литература. — 1992. — № 1. — С. 18-29.
4. Кормачев В. Художественное время в лирике Тютчева и Пушкина / В. Кормачев // Лит. учеба. — 1980. — № 1. — С. 151-156.
5. Пицкель Ф. Н. Поэт — диалектик / Ф. Н. Пицкель // Русская литература. — 1986. — № 2. — С. 93-109.
6. Прасолов А. Я встретил ночь твою. Роман в письмах / Сост., предисловие и примечания И. И. Ростовцевой. — М.: Издательский дом “Хроникер”, 2003. — 591 с.
7. Разводова О. Строгая душа / О. Разводова // Подъем. — 1999. — № 1. — С. 202-214.
8. Саблин В. Комната под сводами / В. Саблин // Подъем. — 1990. — № 1. — С. 204-224.
9. Спорыхин С. Человек тоски по цельности / А. Прасолов. Я встретил ночь твою. Роман в письмах // Сост., предисловие и примечание И. И. Ростовцевой. — М.: Издательский дом “Хроникер”, 2003. — С. 580-584.
10. Щемелева Л. М. Значение антитезы в поэзии Ф. И. Тютчева / Л. М. Щемелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1977. — Т. 36. — № 2. — С. 112-122.